

⁴⁷ Все примеры взяты нами из одной только главы «Разысканий...», но они представляют типичные для Шахматова обороты. См.: *Шахматов А. А.* Разыскания... С. 312, 315, 317.

⁴⁸ *Чемоданов М. С.* Сравнительное языкознание... С. 66.

⁴⁹ *Вишegradов В. В.* А. А. Шахматов как исследователь русского литературного языка. С. 42.

⁵⁰ *Истрин В. М.* А. А. Шахматов как ученый // ИОРЯС. Т. 25. С. 32.

⁵¹ *Соболевский А. И.* (рец.). А. А. Шахматов. Исследования в области русской фонетики. Варшава. 1893 // Журнал Министерства народного просвещения. 1894. № 4. С. 424.

⁵² *Шахматов А. А.* Разыскания...

⁵³ Там же. С. 532.

⁵⁴ Магистерский диспут М. Д. Приселкова в С.-Петербургском университете // Научный исторический журнал, издаваемый под редакцией проф. Н. И. Кареева. 1914. Т. 2. Вып. 1–3. № 3. С. 137.

⁵⁵ Русское языкознание в Петербургском-Ленинградском университете. Л., 1971. С. 69.

⁵⁶ *Журавлев В. И.* Ф. Ф. Фортунатов и фонология. С. 65.

⁵⁷ *Березин Ф. М.* Очерки по истории языкознания... С. 90, 100, 188.

⁵⁸ *Журавлев В. И.* Ф. Ф. Фортунатов и фонология. С. 66.

⁵⁹ *Березин Ф. М.* Очерки по истории языкознания... С. 247–284.

⁶⁰ *Бернштейн С. И.* Основные вопросы синтаксиса в освещении А. А. Шахматова // ИОРЯС. Т. 25. С. 231, 233.

⁶¹ *Никольский Н. К.* Памяти А. А. Шахматова // Там же. С. 160.

⁶² *Лавров П. А.* Первые годы научной деятельности А. А. Шахматова // Там же. С. 56; *Платонов С. Ф.* А. А. Шахматов как историк // Там же. С. 139; *Пресняков А. Е.* А. А. Шахматов в изучении русских летописей // ИОРЯС. Т. 25. С. 164.

⁶³ *Истрин В. М.* А. А. Шахматов как ученый. С. 26–27.

С. Г. Беляев

С. Ф. ПЛАТОНОВ, Б. В. АЛЕКСАНДРОВ, Б. А. РОМАНОВ И ПЕТРОГРАДСКИЕ АРХИВЫ В 1918 г.

Биография и научное наследие С. Ф. Платонова, как и судьба всей петербургской исторической школы, были предметом исследовательского внимания Алексея Николаевича Цамутали на протяжении многих лет.¹ Публикуемое письмо из фонда С. Ф. Платонова в Отделе рукописей Российской Национальной библиотеки (Ф. 585) отражает отношения историка с Б. В. Александровым и Б. А. Романовым, которые называли его своим учителем, а себя — членами его «дружины». В то же самое время оно является свидетельством участия его авторов и адресата в формировании комплекса исторических архивов Петрограда в первые месяцы после Октябрьской революции.

В 1918 г. С. Ф. Платонов стал во главе Петроградского отделения Главархива, к работе в котором привлек многих замечательных представителей петербургской исторической школы, среди которых были и авторы публикуемого письма. Оно написано рукой Б. А. Романова и только подписано Б. В. Александровым. Письмо введено в научный оборот и неоднократно цитировалось,² что также является аргументом в пользу его публикации целиком.

Глубокоуважаемый и дорогой Сергей Федорович,

мы несколько раз пытались повидать вас в служебные часы в Архивном управлении,¹ но условия и темп нашей работы не позволяли нам долго ждать возможности проникнуть в Ваш кабинет, и мы всякий раз уходили до следующего случая. А суть дела в том, что мы по прежнему доброму обычаю хотели просить Вас назначить нам время для свидания в Вами с глазу на глаз. И нам очень жаль, и они бы пожалели, что в этом налете на Вас не приняли бы участия, как всегда прежде бывало, Павел Григорьевич² и Сергей Николаевич.³ Этот более чем год так перекоорчевал нашу жизнь и так был неблагоприятен для коллективных посещений, что нам ни разу не удалось, даже вдвоем, сговориться и выбрать вечер ехать к Вам. Странно подумать, что полтора года мы не были у Вас на Каменноостровском⁴ и, если бы не «после диспута» у Павла Григорьевича,⁵ не видели бы Вас. Теперь же нам, наконец, положительно невозможно не повидать Вас и не поделиться своими архивными и иными горестями. А горести эти, вкратце, вот какие.

1 июля мы были прикомандированы к Архиву финансов, торговли и промышленности для его организации под руководством Мих[аила] Гр[игорьевича] Курдюмова, и нам сейчас совершенно и болезненно ясно видны все недостатки и неправильности как в основе дела, так и в его частностях. Самое болезненное для нас — это крайняя формальная неопределенность нашего положения в архиве, в строящейся части которого фактически мы (кроме нас двоих, еще Сиг[измунд] Нат[анович] Валк и Конст[антин] Дав[идович] Гримм) являемся единственными работниками. Сами понимаете, что ярость нашей работы поддерживалась тем давно жданным чувством, что мы вьем гнездо для себя и своей научной работы, и то обстоятельство, что собственными руками и по собственному плану из пустого места через хаос созидаем космос от А до Ижицы, было особенно нам драгоценно. Но вот подходит к концу второй месяц и от этого чувства почти ничего грозит не остаться. Работы по перевозке архивов⁶ катастрофически внезапно оборвались, в воздухе носится, что надолго. Помещение, которое нам было отведено и нами было распланировано для приема дел, теперь рискует стать сплавным местом для любого предприятия, ищущего куда приткнуться. А между тем первый этаж Поляковского дома и без того был бы нам тесен, если бы действительно серьезно отнестись к мысли об организации Историко-экономического архива. При таких условиях нам представляется лучшим исходом из топографического затруднения — поиски другого помещения, изолированного и такого, что стены его укроют все содержание архива. Что бы Вы сказали, напр[имер], если бы речь зашла о служебной половине усадьбы Мраморного дворца, той, где имеется, помнится, манеж? Мож[ет] быть, не занятый никаким крупным учреждением этот служебный корпус и мог бы быть очищен для нашего архива.

¹ Имеется в виду Петроградское отделение Главархива.

² П. Г. Любомиров.

³ С. Н. Чернов.

⁴ С. Ф. Платонов жил по адресу: Каменноостровский пр., д.73/75.

⁵ Возможно, речь идет о защите диссертации П. Г. Любомирова «Очерк истории нижегородского ополчения 1611–1613 гг.».

⁶ Имеется в виду перевозка ведомственных архивов в здания на Сенатской пл., д. 1 и Английской наб., д. 4 (Поляковский дом).

Только тогда, разумеется, с этим надо спешить и, добившись успеха, следует начать с приспособления здания к приему архива и перевозить дела в готовые уже гнезда.

Если бы так разрешился вопрос о помещении, то далее работа должна бы быть ведена отнюдь не так, как до сих пор. Именно потому, что наш архив, один из немногих, строится заново, он требует значительной рабочей группы, подобранной, однако, из подходящих людей нами, а не произвольно и без знания работников и дела третьим лицом. До 1 августа нам была предоставлена группа человек в 15–20, в общем работавшая хорошо и за месяц вошедшая во вкус и в детали дела. Из нее выделились особенно человека 2–3, потеря которых теперь крайне огорчительна. А, как слышно, в группу, подбираемую ныне где-то вовне, как раз эти 2–3 не войдут, а войдут туда как раз такие, напр[имер], из наших же работников, которые по нашему опыту к данной работе наименее оказались пригодны: дурной знак, который бросается с первого же взгляда на всю организацию института временных работников в глаза и показывает, как в корне неправильно вся эта организация. Неправильность ее сказывается — другой пример — и в том, что мы лишены возможности согласовать технически разнородные работы, которые в действительности органически взаимно неразделимы. Сейчас у нас идет установка полок, и условия места с экономическими соображениями вряд властно требуют совместной работы плотников и переносчиков; иначе плотники вынуждены будут надолго прервать свою работу (а когда мы их допросимся вторично?!), пока нам не будут предоставлены переносчики (кем? когда? какие?) или пока мы сами в шесть рук не произведем непосильной почти для шести рук установки части дел на полки, чтобы очистить место для плотников. Вчера мы уже потеряли плотников и не ведаем, получим ли переносчиков. Наконец, третий пример: мы даже не очень жалеем, что потеряли плотников! Работали они медленно, по какому-то своему родному финскому твердо усвоенному плану, упорно не желая считаться с тем, что полки все-таки устанавливаются для архива и по плану, который им надлежит только выполнить. И они, конечно, были сильнее нас, п[отому] что от нас не зависят нисколько. А работа дрянная. Не умножая примеров, стоит ли даже формулировать вывод, что благодаря применявшемуся и применяемому способу ведения работ, который, видимо, и впредь будет применяться, расходы на них были и будут едва ли производительны. Если бы и нужно было сохранить центр прежней организации г. Селюка, то функции его следовало бы в интересах архивного дела ограничить денежной стороной и исполнением поручений и заданий отдельных архивов. Что бы Вы сказали, если бы подбор личного состава временной рабочей группы (в пределах разверстываемого по отдельным архивам кредита) был предоставлен отдельным же архивам?

Подобная же странность, чтобы не сказать больше, и в подборе личного состава постоянных служащих. Здесь тоже принцип, положенный в основу, как будто в корне отсекает блестящую мысль о постановке архивного дела на научную и деловую высоту. Всякому же ясно, что в данный момент за малыми исключениями и в значительной своей части люди, которые себя называют и которых считают прежними архивными служащими, распадаются на две одинаково бесполезные для научных архивов группы: 1) действительно прежние служащие ведомственных архивов, попадавшие туда в порядке «сдачи в архив» или по признаку «от противного», и 2) т[ак] наз[ываемые] члены ликвидационных коллегий, оставшихся в Петербурге при скарге, не нужном в Москве, т.е. люди, с архивом никогда и в нелестном для себя порядке соприкосновения не имевшие. А между тем мы имеем основания думать, что существует презумпция их полной

неприкосновенности; а это значит для нас, что архивное дело неминуемо обрекается на жалкое существование. Во всяком случае для нас, воодушевленных именно научными заданиями «архивного возрождения», перспектива попасть маленькой кучкой в скопище людей, не способных отнестись к делу *bona fide*⁷ и с чистым чувством, тяжела в высшей степени. Что бы Вы сказали, если бы в случае, подобном нашему, весь фонд документов был разделен на две части: одна составила бы наш исторический архив, другая (в виде $n + 1$ ведомственных придатков) — архивы текущих дел при соответствующих учреждениях. Учреждения эти и впитали бы, как сумеют, личный состав, который теперь в каком-то роковом порядке навязывают историческому архиву, а этот последний обставлялся бы по признакам, взятым из самого существа исходной мысли о научной организации архивного дела?

Наконец, чтобы не забыть, правильно ли поступили, когда не включили в состав Историко-экономического архива архивов крупных петербургских заводов, теперь национализированных и пребывающих, вероятно, в жалком состоянии. И нельзя ли было бы и этот вопрос поднять в настоящей форме и спешном порядке?

Как видите, Сергей Федорович, у нас много было о чем побеседовать самым доверительным образом и именно в эти тяжелые дни. Два месяца подобные вопросы мучили нас неотвязно и наболели до того, что нет возможности больше молчать. И нам думалось, что просто час-другой личного свидания и теплой беседы сняли бы значительную долю наболевшего, как это всегда за то время, что мы Вас близко знаем, бывало, и дали бы существенный деловой результат. Потому что, конечно же, Вам сверху и в зоне кипения не могут быть видны будничные, но потому и чрезвычайно существенные потребности и червоточины, неудовлетворение и неискоренение которых оставит весь план без прочного фундамента.

Из всей нашей дружины нас осталось только двое. Это не значит, что распалась дружина. Вы не видели у себя этой дружины более года. Но, дорогой Сергей Федорович, это не значит, что порвалась эта глубокая, хотя и своеобразная, личная связь, которая сложилась у дружины с Вами. В ней было и остается многое, почти все, невысказанным: как раз то в ней, что было каждым из нас по-своему в свое время выстрадано и тем прочнее завоевано. Когда Вы говаривали, что мы Вам близки и Вы нам верите, как себе, Вы как будто ее твердо чувствовали и думали, что понимали. Но мы все еще (и уже издавна) лелеем мысль как-нибудь при случае выразить в точных и полных эмоциональной жизни терминах существо и живые подробности этого куска нашей биографии и Вашей творчески-учительской жизни.

Ваши Борис Александров
Борис Романов

Наш почтительный привет Надежде Николаевне⁸ будьте добры передать вместе с объяснением столь длительного отсутствия.

25 августа 1918 г.
СПб.

⁷ Добросовестно (*лат.*).

⁸ Супруга С. Ф. Платонова.

Р.С. М[ожет] б[ыть] то, что мы пишем об архиве, знакомо Вам из бесед с Мих[аилом] Гр[игорьевичем] Курдюмовым. Это от того, что с Михаилом Григорьевичем у нас, при дружной работе, идет почти ежедневный обмен мыслей. Во всяком случае то, что изложено здесь, неоднократно и целиком было предметом наших с ним разговоров.

ОР РНБ. Ф. 585. Д. 2069. Л. 1–4

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Цалутали А. Н.* Борьба направлений в русской историографии в период империализма: Историографические очерки. Л., 1986. С. 66–133; Академическое дело 1929–1931 гг. Вып. 1: Дело по обвинению академика С. Ф. Платонова. СПб., 1993.

² *Валк С. Н.* Борис Александрович Романов // Исследования по социально-политической истории России: Сб. статей памяти Бориса Александровича Романова. Л., 1971. С. 17, 18; *Панеях В. М.* Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000. С. 46, 49.

Б. В. Ананьич, Л. И. Толстая

ПЕТЕРБУРГСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В ЯНВАРЕ–ФЕВРАЛЕ 1911 г. (Власть и профессура)

Известно, что Петербургский университет в начале 1911 г. был охвачен забастовкой. Студенты бойкотировали занятия в знак протеста против консервативного курса правительства П. А. Столыпина и политики Министерства народного просвещения, возглавляемого Л. А. Кассо. Студенческое движение в России в 1910–1911 гг. и в частности в Петербургском университете изучалось. Однако публикуемая переписка приват-доцента университета филолога-классика Ивана Ивановича Толстого (1880–1954) со своим отцом Иваном Ивановичем Толстым (1858–1916) и сестрой Людмилой Ивановной Толстой (1882–1948) (в письмах Лилечка, Дюдю) существенно дополняют картину событий. И. И. Толстой-старший был известным специалистом по древнерусской и византийской нумизматике, археологом, почетным членом Академии наук. С 1893 по 1905 г. он занимал пост вице-президента Академии художеств, а с октября 1905 по октябрь 1906 г. — министра народного просвещения в кабинете С. Ю. Витте. Со второй половины января и до середины марта 1911 г. И. И. Толстой-старший вместе с дочерью путешествовал по Европе и находился вначале в Австрии, а затем в Италии. По семейной традиции сын ежедневно писал отцу о петербургских новостях. А его всегда и особенно живо интересовало все, что происходило в университете и в сфере образования. Итак, письма И. И. Толстого-младшего — ежедневный отчет о жизни университета и поведении студентов и преподавателей в дни забастовки.

Однако этим не ограничивается, на наш взгляд, ценность публикуемых документов. Сам источник уникален. И. И. Толстой-младший оставил заметный след в отечественной науке и в истории Петербургского университета. После окончания университета